

А.М. Либман

PhD (Economics), д.э.н., профессор Свободного университета Берлина (Берлин)

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ: ИЗОЛЯЦИЯ И ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются основные факторы динамики внешнеэкономических связей России в последние два года. Несмотря на первоначальные ожидания, введение западных санкций не привело к полной изоляции экономики России. Скорее произошла переориентация России на торговлю со странами, не поддерживающими санкционный режим, а также переход значительной части внешней торговли России в неформальный сектор. Обсуждаются основные факторы сохраняющейся интеграции России в мировую экономику, а также потенциальные изменения в этом отношении в средне- и в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: *внешняя торговля, внешнеэкономические связи, санкции, арбитраж.*

JEL: F02, F40, F51, F60

УДК: 339.1, 339.5, 339.9

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_7_18

© А.М. Либман, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Либман А.М.* Внешнеэкономические условия развития России: изоляция и переориентация // Вопросы теоретической экономики. 2024. №2. С. 7–18. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_7_18.

FOR CITATION: *Libman A.* Foreign Economic Conditions for Russia's Development: Isolation and Reorientation // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 2. Pp. 7–18. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_7_18.

Введение

Прошедшие два года стали периодом реориентации и адаптации структуры внешнеэкономических связей России, беспрецедентной по скорости и масштабу этого процесса. Хотя идеи «поворота на восток» в российской политике звучали ещё с середины 2010-х гг. [Kolosov, Zotova, 2023], лишь с 2022 г. переориентация на экономические связи с западным миром стала императивом развития российской экономики. Причиной таких изменений стали как масштабные экономические санкции, введённые странами ЕС, США и некоторыми другими странами, так и добровольный уход западных компаний с российского рынка. В общественной дискуссии стандартом стали ссылки на «беспрецедентный» характер санкций; о превращении России в «чемпиона» по числу санкционных ограничений¹. Такая оценка «беспрецедентности» санкций является несколько упрощённой — она справедлива лишь для последних десятилетий, когда страны отказались от использования практики тотального внешнеторгового эмбарго (применявшегося ещё к Югославии и к Ираку) и перешли к «умным» санкциям (smart sanctions) [Drezner, 2011], т. е. к конкретным специфическим ограничениям внешней торговли, касающимся отдельных секторов

¹ ТАСС. Мишустин назвал Россию «чемпионом мира» по числу введенных против нее санкций. 15.03.2023. <https://tass.ru/ekonomika/17274023> (дата обращения 24. 03.2024).

и индивидов. До этого конкретное число санкционных ограничений могло быть меньшим, но масштабы их воздействия гораздо большими.

Тем не менее санкции против России «беспрецедентны» в другом плане: практически отсутствуют примеры столь масштабных санкций, которые вводились бы против страны: 1) столь крупной, как Россия; 2) столь интенсивно интегрированной в мировую экономику; 3) относительно стабильной во внутренней политике (в отсутствие гражданской войны или других фундаментальных потрясений). Масштабные санкции против СССР вводились против достаточно крупной экономики, которая, однако, была почти полностью изолирована от внешнего мира (и поддерживала экономические связи преимущественно со странами социалистического лагеря). Экономическая и политическая изоляция Советской России 1920-х гг. происходила на фоне гражданской войны, ущерб от которой для экономики страны трудно переоценить (санкции тут играли вторичную роль). Санкции против Ирана затрагивали страну, в меньшей степени интегрированную в мировую экономику и гораздо меньшую по масштабам, чем Россия. Возможно, аналогом санкций против России могли бы стать санкции против ЮАР времён апартеида — в этом случае речь также шла о достаточно крупной экономике, интегрированной в мировую экономическую систему и играющей в ней важную роль. Но и в данном случае аналогия далеко не полна [Levy, 1999].

Интеграция России в мировую экономику, упрощённо говоря, связана с четырьмя аспектами. Во-первых, Россия является ключевым экспортёром природных ресурсов, которого достаточно сложно заместить на мировых рынках (в этом случае речь идёт не о новом явлении — СССР превратился в значимого поставщика углеводородов уже в 1970-е гг.). Во-вторых, Россия в последние годы стала важным импортёром технологий (включая управленческие практики и стандарты) и активно участвовала в выстраивании трансграничных производственных цепочек. В-третьих, масштабы российского рынка в последние десятилетия способствовали возрастающему притоку иностранных инвестиций². Наконец, в-четвёртых, Россия адаптировала своё внутреннее потребление под мировые стандарты — россияне носили одежду тех же брендов, потребляли те же продукты питания, читали те же книги и смотрели те же фильмы, что и во многих других частях глобального мира.

В экономической науке интенсивные экономические связи между странами, вводящими санкции, и странами — целями санкций считаются одним из ключевых условий эффективности санкций в принципе. В этом состоит так называемый «парадокс санкций» [Drezner, 1999]: чем «проще» вводить санкции против той или иной страны (с точки зрения издержек для государства, вводящего санкции), тем ниже эффективность этих санкций³.

Россия, глубоко интегрированная в мировую экономику, казалось бы, должна была бы пережить глубокий спад под воздействием санкций. Первые оценки исходили из масштабного сокращения российского ВВП в связи с санкционным давлением [Mahlstein, McDaniel, Schropp, Tsigas, 2022]. Условно можно было говорить о трёх временных горизонтах потенциального воздействия санкций. В краткосрочной перспективе санкции могли привести к панике на финансовых рынках, оттоку капитала и дестабилизации банковской системы — речь идёт о своего рода самосбывающихся ожиданиях, когда игроки, ожидающие масштабных негативных воздействий санкций, принимают решения, в итоге усиливающие их эффект. В среднесрочной перспективе ожидалось, что санкции приведут к разрыву производственных цепочек и остановке ряда ключевых производств. В долго-

² Следует подчеркнуть, что хотя бы частично речь идёт об инвестициях, осуществлявшихся в силу требований российских властей к локализации производства — это важно учитывать при оценке эффектов санкций.

³ Большинство стран мира не испытывает никаких проблем при введении санкций против Северной Кореи, однако и действенность этих санкций пренебрежимо мала, за исключением ограничений, которые вводит Китай, — единственный значимый партнер КНДР [Noland, 2009].

срочной перспективе санкции должны были бы привести к технологическому отставанию, дефициту инноваций и растущей изоляции российской экономики; наблюдатели нередко говорили о превращении России в своего рода гигантскую Северную Корею [Rochlitz, 2023].

На текущий момент эти ожидания (как минимум, кратко- и среднесрочные) не реализовались. И если отсутствие первичной паники можно связать с эффективностью российских денежных властей, быстро задействовавших инструменты, ограничивающие отток капитала и стабилизирующие рубль, стабильность российской экономики в среднесрочной перспективе представляет собой более интересный феномен. Вместо разрыва экономических цепочек произошла их переориентация — как минимум, на сегодняшний день более успешная, чем многие наблюдатели предполагали (экономика России вместо масштабного спада характеризуется ростом ВВП). Как мы можем объяснить этот феномен?

Изоляция и переориентация внешней торговли

Прежде всего необходимо зафиксировать несколько обобщённых фактов, описывающих структуру внешнеэкономических связей России в настоящий момент. Во-первых, за прошедшие два года Россия действительно резко сократила масштабы своих экономических связей с «западными» странами, и прежде всего с ЕС, игравшим в прошедшие десятилетия ключевую роль в российской внешней торговле. Если в 2022 г. российский экспорт в страны ЕС в стоимостном выражении резко вырос (что было связано с высокими ценами на энергоносители), то к настоящему времени здесь мы можем говорить о фундаментальном спаде практически всех аспектов внешней торговли. Для Германии, например, единственным практически не затронутым аспектом внешнеторговых связей остаются поставки лекарств в Россию⁴. Во-вторых, однако же, общие масштабы внешней торговли остаются значительными — речь ни в коем случае не идёт о полной или даже растущей экономической изоляции России. Есть все основания сомневаться в достоверности официальных данных внешней торговли, но если исходить из них, то торговое взаимодействие с «западными» странами в значительной степени было замещено торговлей со странами Глобального Юга, и особенно с Китаем, превратившимся в ключевого экономического партнёра России [Гнидченко, Михеева, Сальников, 2023; Knobel, Firanchuk, 2023]. В-третьих, Россия по-прежнему остаётся связанной с Западом за счёт разного рода неформальных торговых связей — например, переориентации поставки санкционных товаров через страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Турцию. Или за счёт экспорта российского сырья в страны, перепродающие это сырьё в западные государства (или за счёт «замещающего» российского экспорта, высвобождающего достаточный объём собственных ресурсов этих стран для экспорта на Запад). Оценки этих неформальных торговых потоков являются сложной задачей [Chupikin, Javorcik, Plekhanov, 2023], но можно, как минимум, предполагать, что они значительны. В-четвертых, Россию, безусловно, покинули многие западные компании. Однако масштабы исхода существенно сложнее оценить, чем в случае с внешней торговлей — различные компании использовали те или иные модели полного или частичного выхода, как минимум в некоторых случаях позволявшие им сохранять частичное присутствие на российских рынках [Evenett, Pisani, 2023; Meyer, Fang, Panibratov, Peng, Gaur, 2023].

Как представляется, можно выделить три группы факторов, объясняющих отсутствие изоляции России в мировой торговле. Первая группа носит структурный характер и в каком-то смысле представляет собой неизбежное следствие уже указанных нами в пре-

⁴ WirtschaftsWoche. <https://www.wiwo.de/politik/konjunktur/aussenhandel-deutsche-medikamente-unerwarteter-anstieg-der-bestellungen-aus-russland/28503896.html> (дата обращения 23.03.2024).

дыдущем разделе базовых характеристик российской экономики — её интеграции в мировое хозяйство и её размеров. Вторая группа является производной от характеристик мировой экономики как таковой, и в частности её полицентричного характера. Третья группа, наконец, связана с особенностями санкций — и здесь, как представляется, важно выделить два принципиальных внутренних противоречия санкционной политики, во многом объясняющих текущую ситуацию.

Структурные характеристики российской экономики

Прежде всего необходимо указать на во многом самоочевидный, но всё же часто игнорирующийся в дискуссиях факт: санкции представляют собой с точки зрения экономической науки хорошо знакомый феномен — разновидность протекционистских мер. Обычно протекционизм в анализе внешней торговли связывают с интересами лоббистских групп, стремящихся сохранить ренту на закрытых рынках [Grossman, Helpman, 1994], или попытками правительства стимулировать создание «национальных чемпионов» [Enderwick, 2011]. Санкции вводятся (или, как минимум, публично мотивируются) другими соображениями, нежели стандартный протекционизм, но их содержание по сути сводится к тому же протекционизму — введению ограничений на потоки товаров и капитала между странами. В связи с этим санкции сталкиваются с тем же самым ограничением, что и другие формы протекционизма, — противоречием между логикой политических интервенций и логикой рынков, главной из которых можно считать логику арбитража.

Она сводится, упрощённо говоря, к следующему тезису: при наличии двух достаточно обособленных друг от друга рынков игроки, имеющие доступ к обоим рынкам и способные выполнять посредническую функцию между ними, способны за счёт этой посреднической функции получить повышенную прибыль. Собственно говоря, именно поэтому в отсутствие барьеров цены на двух рынках всегда должны претерпевать конвергенцию [Chen, Knez, 1995]: существование различий в ценах является источником прибылей для арбитража и стимулирует игроков к перетоку товаров между рынками, пока цены не сглаживаются. При наличии барьеров между рынками такая конвергенция цен не происходит; однако барьеры, в свою очередь, можно разделить на «естественные» (например, транспортные издержки) и возникшие за счёт политических ограничений. «Естественные» барьеры можно преодолеть за счёт, например, технологических инноваций (скажем, новых транспортных средств), политические — за счёт поиска «дыр» в существующих ограничениях или неформальной торговли вне сферы контроля государства. Однако в обоих случаях те фирмы, которые в состоянии преодолеть барьер между рынками, получают существенную прибыль. Это стимулирует их инвестировать существенные ресурсы в преодоление барьеров. Чем более жёстким является обособление рынков, тем выше прибыли для тех, кто эти барьеры может преодолеть⁵.

Базовую логику возникающей ситуации ещё в 1914 г. О. фон Бём-Баверк описал в одной из своих наиболее известных статей — «Власть или закон экономики» (*Macht oder ökonomisches Gesetz*) [Böhm-Bawerk, 1914]. Главным тезисом статьи является следующий: государство за счёт своей политики способно в *краткосрочном* плане добиться отклонения от того результата, который сложился бы на рынке за счёт действия спонтанных сил, но в долгосрочном плане рыночные силы неизбежно оказываются более мощными, чем государственное регулирование. Наверное, самым ярким примером триумфа рынка оказалась плановая экономика советского типа — её предельная неэффективность привела не только к (во многом неизбежному) экономическому кризису, но и стала причиной формирования огромной теневой экономики, влияние которой по мере ослабления формальных командно-административных структур постоянно усиливалось [Mises, 1922]. Санкции и другие

⁵ Схожий аргумент для санкций против Северной Кореи приводится в [Park, 2014].

протекционистские ограничения следуют той же логике, что показывают даже самые ранние примеры санкционной политики (например, наполеоновская «континентальная блокада») [*Revisiting Napoleon's...*, 2015].

Таким образом, возникает противоречие. Санкционное давление не ведёт к полному прекращению экономического взаимодействия с Россией. Наоборот, всё больше и больше появляется тех, для кого именно санкционное давление становится главным стимулом для экономического взаимодействия с российской экономикой. Это происходит, например, потому, что возникают возможности получения прибыли за счёт дисконта при поставках природных ресурсов (покупки Индией и в последнее время Венесуэлой российской нефти) или входа на рынок России в отсутствие какой бы то ни было значимой конкуренции (например, поставки автомобилей в РФ из Китая, ставшим крупнейшим экспортёром автомобилей на российском рынке)⁶.

Поскольку структура санкций постоянно меняется, меняются и преимущества и недостатки тех или иных моделей взаимодействия с Россией: речь не идёт об устойчивых долгосрочных взаимосвязях, а скорее, о ситуативных альянсах. Критики такого взаимодействия оправданно отмечают, что сделки, направленные на преодоление протекционистских (в том числе санкционных) ограничений, существенно менее эффективны, чем те условия, которые Россия получила бы при отсутствии санкций. Ведь российские фирмы сталкиваются с худшими ценовыми условиями, краткосрочным характером взаимодействия и высокими транзакционными издержками, направленными на обход санкций (как формальных, так и неформальных. Они связаны с более жёсткими проверками транзакций, связанных с Россией, во многих банках или добровольным уходом фирм)⁷. Речь ни в коем случае не идёт об оптимальном характере взаимодействия, а лишь о «лучшем из возможного» (*second best*). Но данный вопрос важен, если речь идёт о способности экономики России генерировать высокие темпы долгосрочного экономического роста, а не просто сохранять стабильность. Для последней «лучшее из возможных» решений может оказаться достаточным.

Для России реализация преимуществ, связанных с логикой арбитража, связана с ещё одним обстоятельством — крайне высокой гибкостью российского бизнеса. Все три десятилетия развития рыночной экономики в России компании сталкивались с многочисленными кризисами, реформами и изменением государственного регулирования; выживание бизнеса было связано с готовностью адаптироваться к подобным фундаментальным изменениям. Именно эта гибкость содействует способности бизнеса активно «искать» и «находить» новых партнёров и в полной мере реализовывать логику арбитража.

Полицентричность мировой экономики

Вторая мировая война привела к трансформации мировой политики в биполярную систему соперничества двух сверхдержав, а мировой экономики (за исключением изолированного социалистического лагеря) — в моноцентричную систему с однозначным доминированием США. Восьмидесятилетняя последующая история мировой экономики была связана с появлением всё новых и новых центров в мировой экономике. Ещё в период холодной войны Западная Европа и Япония вошли в число важных экономических держав. Ключевой особенностью развития мировой экономики последних тридцати лет, после конца холодной войны, стало появление новых экономических центров, с одной стороны,

⁶ Хабидулина Е. (2023). Россия стала крупнейшим импортером автомобилей из Китая // Forbes. 11.07.2023. <https://www.forbes.ru/biznes/492629-rossia-stala-krupnejsim-importerom-avtomobilej-iz-kitaa> (дата обращения 23.03.2024).

⁷ Например: Турция закатывает России банки // Коммерсантъ. 20.02.2024. <https://www.kommersant.ru/doc/6524920>; Банки хотят знать больше // Коммерсантъ. 24.11.2023.. <https://www.kommersant.ru/doc/6363298> (дата обращения 23.03.2024).

полностью интегрированных в мировую экономику, а с другой — не относящихся к Западу и не связанных с ним союзническими отношениями, а также часто характеризующимися другими политическими системами, чем страны Запада. Самым ярким примером является, вне всяких сомнений, Китай; однако целый ряд других стран глобального Юга также может быть отнесён к этой группе.

Подобная структура мировой экономики принципиально снижает эффективность любых санкций, которые не пользуются поддержкой подавляющего большинства стран мира (как, например, санкции против Северной Кореи). «Оставшиеся» страны, не участвующие в санкциях, могут оказаться достаточно привлекательными экономическими партнёрами. Конечно, не следует забывать, что, если с точки зрения экономического потенциала мир сегодня более полицентричен, чем десятилетиями ранее, с точки зрения контроля над финансовыми потоками (роли западных валют — доллара и евро — и платёжных систем в международных расчётах) страны ЕС и США по-прежнему обладают ключевым преимуществом. Собственно говоря, именно с этим обстоятельством было связано повышенное внимание западных стран к введению именно финансовых санкций против России. Опыт санкций последних двух лет показывает, однако, что, как минимум в краткосрочной перспективе, контроля над финансами может оказаться недостаточно.

Таким образом, отсутствие изоляции российской экономики напрямую связано с тем обстоятельством, что глобальный Юг (и, прежде всего, Китай) по-прежнему готов к прагматичному экономическому взаимодействию с Россией и при этом обладает достаточным потенциалом, чтобы сделать это взаимодействие осмысленным. Если в начале текущего периода санкционной политики стран Запада последние исходили из того, что доверие к России как к политическому, так и к экономическому партнёру было или в ближайшем будущем будет утрачено в большинстве стран мира, на сегодняшний день можно констатировать — этого не произошло.

Дополнительным фактором, противодействующим изоляции России, можно считать её членство в ЕАЭС. Отсутствие тарифных ограничений и свобода торговли в рамках ЕАЭС — важный фактор, позволяющий малым странам Союза становиться своеобразными «воротами» в российскую экономику, в том числе и для потоков товаров, включённых в санкционные списки. В этом отношении ситуация в России опять же в чём-то похожа на ситуацию, в которой находилась ЮАР в период международных санкций — страны Южно-Африканского таможенного союза (SACU) также использовались для доступа на рынок ЮАР (и, наоборот, товары из ЮАР экспортировались на мировые рынки через страны SACU) [Becker, 1988; Askin, 1989]. Собственно говоря, резкое сокращение взаимной торговли России и стран Запада сопровождалось столь же взрывным ростом торговли стран Запада с государствами ЕАЭС, привлечёнными возможностями получения значительной прибыли [Arapova, 2023; Libman, 2024].

Опять же, не следует недооценивать возможные проблемы, связанные с опорой на торговлю со странами глобального Юга. Первая связана с доступом к технологиям — в какой степени может глобальный Юг «заместить» в этом отношении страны Запада? Дать однозначный ответ на этот вопрос, как представляется, сегодня едва ли возможно — в каком-то смысле санкции против России представляют собой эксперимент, позволяющий «протестировать» потенциал для замещения западных технологий, например, китайскими. Вне всякого сомнения, как минимум, в некоторых секторах это замещение окажется невозможным; в других секторах, напротив, оно будет относительно успешным. Итоговый результат можно будет выявить лишь за счёт спонтанной адаптации рынков. Вторая проблема состоит в том, что готовность стран глобального Юга к взаимодействию с Россией не бесконечна. Угроза вторичных санкций, безусловно, влияет на поведение компаний из Китая, Турции, Индии, Сербии или ОАЭ, и хотя, как уже отмечалось ранее, едва ли может привести к полному прекращению экономического взаимодействия (в силу «логики арби-

тража»), препятствует также полноценному развитию последнего. Наконец, не понятно, в какой степени страны глобального Юга будут готовы не только к торговле с Россией, но и к инвестициям в российскую экономику⁸.

Однако даже с учётом этих ограничений трудно спорить с тем, что в условиях, когда значительная часть стран не присоединилась к санкциям и в обозримом будущем этого, скорее всего, не сделает, об изоляции России в достаточно полицентричной мировой экономике говорить не приходится.

Противоречия санкций

Наконец, последний фактор, препятствующий полной изоляции России, связан с внутренними противоречиями в самой логике санкций. Сам характер введённых ЕС и США ограничений отчасти снижает их действенность с точки зрения изоляции российской экономики. Можно говорить о двух основных типах подобных противоречий.

Первое противоречие, наверное, является наиболее изученным в литературе, и уже многократно отмечалось исследователями [*Itskhoki, Mukhin, 2022*]. Первая волна санкций Запада ориентировалась прежде всего на ограничения российского импорта, в то время как российский экспорт был затронут лишь более поздними санкциями, введение которых *de facto* было отложено на начало 2023 г. Такая структура санкций не случайна: для стран ЕС введение ограничений на российский сырьевой экспорт было весьма болезненным, потенциально связанным с большими издержками. Даже после того, как санкции были введены, западные страны частично использовали инструменты, не препятствующие попаданию российского сырья на мировые рынки, а лишь потенциально ограничивающие доходы российского бюджета от этого экспорта (ценовой потолок для российской нефти). Целью этих ограничений было избежать глобального дефицита нефти [*Johnson, Rachel, Wolfram, 2023*]. Результатом такой структуры санкций в 2022 г. стало получение российской экономикой (и российским бюджетом) сверхдоходов от экспорта природных ресурсов (подорожавших в силу нестабильности на глобальных рынках) при одновременной экономии на импорте западных товаров⁹. Это содействовало стабилизации курса рубля и позволило российской экономике воспользоваться сырьевыми сверхдоходами для налаживания новых маршрутов поставок. К тому же «сырьевой потолок» на российскую нефть Россия смогла во многом обойти¹⁰.

Второе противоречие санкций до сих пор привлекало несколько меньшее внимание исследователей, но, как представляется, сыграло не меньшую роль в стабилизации российской экономики. Речь идёт о противоречиях между санкциями на движение капитала и финансовые потоки и санкциями на товарные потоки. Как уже отмечалось, с точки зрения западных стран существенно проще контролировать финансовые потоки (в силу глобальной роли доллара, евро и SWIFT) и вводить санкции в отношении последних. Отслеживать движение товаров гораздо сложнее. Поэтому при создании современного санкционного режима Запад с самого начала ввёл многочисленные ограничения именно в финансовом

⁸ В этом отношении, опять же, важно иметь в виду, что, как отмечалось ранее, как минимум, некоторые инвестиции западных компаний в российскую экономику в прошлом были обусловлены во многом требованиями по локализации производств — а следовательно, также являлись результатом политического воздействия, а не соответствовали рыночному равновесию.

⁹ В какой-то степени наблюдаемый эффект был связан не только со структурой санкций, но и с ролью России в мировой экономике. Речь идёт о так называемой «ловушке большой страны» [*Ушкалова 2022; Ушкалова, 2023*]; санкции против крупного экспортёра тех или иных товаров с неизбежностью ведут к росту цен на эти товары, от которого экспортёр, пока он сохраняет хотя бы частичный доступ на мировые рынки, выигрывает. Другое дело, что в 2022 г. Россия сохранила не просто «доступ на мировые рынки», а могла по-прежнему экспортировать свои ресурсы в ЕС.

¹⁰ Financial Times. <https://www.ft.com/content/cad37c16-9cbd-473c-aa2f-102c21393d2e?fbclid=IwAR2q819PWsd0Ko5H7OPR5Vzvgdd9lUa7mzOk7Io1NcOqaCBTb7GVk-deZRg> (access date: 23.03.2024).

секторе; к официальным санкциям добавились решения частных компаний (например, уход из России Visa и Mastercard). Проблема состоит в том, что ограничения финансовых потоков одновременно делают гораздо более сложным «уход» капитала из России. Соответственно, российские компании, которые, возможно, (несмотря на ограничения ЦБ РФ) в отсутствие западных санкций сосредоточили бы свои усилия на выводе капитала из России (что привело бы к ослаблению российской экономики) с целью избежать неопределённости, оказались «заперты» и в итоге использовали свои ресурсы для инвестиций в экономику России. Таким образом, ограничения, призванные разорвать участие России в глобальных производственных цепочках, привели к тому, что бегство капитала из России произошло в гораздо меньших масштабах, чем это могло бы быть, и при этом стабилизировали российскую экономику. Стоит отметить, что в случае ЮАР негативные последствия бегства капитала для экономики оказались наиболее важным элементом экономической дестабилизации [Levy, 1999]. Между тем модель санкций, введённых против России, это бегство капитала как раз во многом и блокировала.

Среднесрочная и долгосрочная перспектива

Подводя итог, можно констатировать: сохраняющаяся интеграция российской экономики в мировую экономику, несмотря на введённые против России санкции, является логичным следствием как организации мировой экономики в целом, так и структуры санкционного режима. Добиться полной изоляции России было бы сложно даже в случае, если бы значительная часть стран «глобального Юга» поддержала санкции; отказ этих стран от введения санкций против России делает её полную изоляцию крайне маловероятной.

Что означает данная тенденция в средне- и долгосрочной перспективе? В *среднесрочной перспективе* главным фактором, влияющим на структуру и масштаб внешнеэкономических связей России, можно считать готовность стран Запада к использованию вторичных санкций — ограничений против стран и компаний, взаимодействующих с Россией. В принципе США обладают гораздо большим опытом использования вторичных санкций, чем ЕС [Ruys, Rynngaert, 2020], и уже сейчас частично применяют их в случае России. До сих пор вторичные санкции, тем не менее, использовались Западом с осторожностью, прежде всего чтобы избежать негативной реакции стран глобального Юга и, в конечном счёте, фрагментации мировой экономики [Rogoff, 2023]. Расширение масштаба вторичных санкций, вне всякого сомнения, станет фактором, затрудняющим экономическое взаимодействие с Россией. Дополнительным ограничением могут оказаться проблемы с логистикой, сказывающиеся даже на секторах экономики, не находящихся под непосредственным воздействием санкций¹¹.

Тем не менее вторичные санкции не меняют ситуацию с точки зрения логики арбитража, описанной выше. Появление новых барьеров, безусловно, «отпутнёт» некоторые компании и страны, но заинтересует другие. Транзакционные издержки и риски сделок вырастут, но торговля всё равно в той или иной форме продолжится. Ответом на новые схемы обхода санкций станут новые ограничения, за которыми появятся новые методы обхода санкций. В той или иной форме взаимодействие России с глобальной экономикой сохранится. Конкретно в области экспорта российского сырья большая маржа позволит России относительно безболезненно предлагать достаточно большой дисконт потенциальным покупателям [Egorov, 2023].

¹¹ Санкции против логистики // Морские вести России. 14.08.2022. <https://morvesti.ru/analitika/1685/97432/> (дата обращения 23.03.2024).

Что же можно считать «граничным условием» эффективности санкций против России? Логика арбитража работает пока *российская экономика остаётся принципиально привлекательной*. Иначе говоря, пока существует потребность в российских природных ресурсах и пока российский рынок остаётся достаточно большим для импорта потребительских или промышленных товаров, те или иные компании будут продолжать торговать с Россией. Однако ситуация поменяется, если российские ресурсы окажутся менее привлекательными или если российский внутренний рынок сократится. В такой ситуации преодоление санкционных барьеров становится менее привлекательным. Примером можно считать уже упомянутую экономику КНДР; важнейшим фактором, отпугивающим потенциальных партнёров, является не просто наличие международных санкций, а их сочетание с низкой привлекательностью северокорейской экономики, причём последнее во многом связано с неэффективной экономической и политической системой КНДР. Соответственно, главный вопрос относительно воздействия санкций на российскую экономику связан не с самими санкциями, а с сочетанием санкций и внутриэкономических проблем.

Именно последний фактор можно считать наиболее важным источником риска для экономики России в *долгосрочной перспективе*. Спрос на российское сырьё зависит от технологического прогресса: скажем, успешный переход мировой энергетики на возобновляемые источники энергии резко снизит спрос на газ и нефть из России вне зависимости от санкционных ограничений. Привлекательность российского внутреннего рынка сильно зависит от целого ряда факторов, начиная от перераспределительных конфликтов и борьбы за привлекательные активы и вплоть до старения населения и демографических проблем. Значимость этих факторов вполне можно наблюдать уже сегодня; со временем они будут приобретать всё большее и большее значение и всё более и более серьёзно станут ограничивать развитие российской экономики, что снизит интерес внешних игроков в «преодолении санкций». Впрочем, как и при любом долгосрочном развитии событий, дать сколь бы то ни было точные прогнозы в этом отношении практически невозможно.

Существуют, впрочем, и долгосрочные факторы, способные стабилизировать российскую внешнюю торговлю: речь идёт, прежде всего, об общем процессе фрагментации мировой экономики и распаде её на несколько относительно изолированных экономических блоков [Libman, 2022]. В принципе уже в последние годы мировая экономика являлась ареной конкуренции нескольких экономических полюсов, прежде всего США и КНР. Эта конкуренция происходила, однако же, в *общих институциональных рамках глобализации*, когда все участники конкурентной борьбы исходили из того, что сохранение относительно интегрированной глобальной экономики является более привлекательным, чем её распад. Можно сказать, что соперничающими сторонами предлагались альтернативные модели переустройства глобальной экономики¹². Ситуация изменилась в последние годы. Снижение уровня доверия между Западом и Востоком в мировой экономике ведёт к ситуации, когда экономические взаимосвязи воспринимаются не как преимущество, а как источник рисков и зависимости (в том числе в силу угрозы возможных экономических санкций).

В такой ситуации страны предпочитают концентрироваться на развитии экономических связей с «близкими» им экономиками (friend-shoring [Triggs, Hardwick, 2022]). Что ещё важнее, происходит фрагментация «инфраструктуры глобализации» — так, вместо универсальных глобальных платёжных систем и систем передачи финансовых сообщений формируется несколько замкнутых платёжных систем, не связанных друг с другом. Такое развитие хоть и связано с более высокими издержками, сокращает риски санкций. В этой ситуации внешняя торговля России может оказаться «защищена» хотя бы от

¹² Конечно, степень приверженности этой логике тоже не следует преувеличивать, как показывают протекционистские меры администрации Д. Трампа в отношении КНР [Stiglitz, 2018].

санкций западных государств — в силу того, что она во многом будет «невидимой» для них и будет сосредоточена на незападных партнёрах. Следует иметь в виду, конечно, что подобная трансформация мировой экономики в принципе будет связана с существенно более низкими темпами экономического роста, от которых пострадают все страны без исключения; сам процесс фрагментации также будет, скорее всего, связан с высокими издержками [IMF, 2023].

Заключение

Подведу итоги основных аргументов, приведённых в статье. Несмотря на масштабные санкции, введённые против экономики России два года назад, «выпадения» российской экономики из мировой не произошло. Скорее наблюдается быстро идущий процесс переориентации российской экономики, для которой место партнёров из ЕС занимают незападные страны. Устойчивость позиции России в мировой экономике связана с масштабами российского внутреннего рынка и значимостью российских ресурсов, вследствие чего экономика России оказывается «защищена» преимуществами арбитража, ведущими во многом к парадоксальной ситуации. Чем более жёсткими являются ограничительные барьеры Запада, тем привлекательнее становится торговля с Россией. Как минимум, это относится к тем странам и компаниям, которые готовы к дополнительным рискам. Пока российская экономика сама по себе остаётся привлекательной, сохранится и круг государств, готовых взаимодействовать с ней. Ситуация может измениться лишь в случае серьёзных внутренних проблем в самой российской экономике — в этой ситуации санкционные барьеры окажутся гораздо более действенными.

Аргументы статьи не предполагают, что формирующаяся внешнеэкономическая модель России «оптимальна» — речь идёт лишь о сценарии, «лучшем из возможных». Можно исходить из того, что экономика России продолжит функционировать и адаптироваться к новым условиям. Между тем для того, чтобы сократить разрыв между экономикой России и экономиками промышленно развитых стран, требуется не просто стабилизация экономического положения. Необходим высокий рост экономики, сравнимый, например, с недавним ростом экономики Китая. Можно ли добиться подобной динамики в условиях нестабильности внешнеэкономических связей, обусловленной санкциями, и ограниченного спектра потенциальных внешнеэкономических партнёров, сомнительно¹³ — наоборот, более вероятным сценарием можно считать постепенное технологическое отставание [Смородинская, Катукон, Малыгин, 2023]. А в отсутствие опережающих темпов экономического роста разрыв между Россией и промышленно развитыми странами будет только нарастать.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Гнидченко А.А., Михеева О.М., Сальников В.А. (2023). «Уходя—уйди»: кто остаётся с Россией и как перераспределяется импорт? [Gnidchenko A. A., Mikheeva O. M., Salnikov V. A. (2023). “When you leave, go away”: who stays with Russia and how is import redistributed?] // *Вопросы экономики*. №12. С. 48–65.
- Смородинская Н.В., Катукон Д.Д., Малыгин В.Е. (2023). Проблема экономической устойчивости в условиях санкций: опыт Ирана и риски для России: Научн. докл. [Smorodinskaya N.V., Katukon D.D., Malygin V.E., (2023). The problem of economic sustainability under sanctions: Iran’s experience and risks for Russia]. — М.: ИЭ РАН.
- Ушкалова Д.И. (2023). Внешняя торговля России: предварительные итоги второго года противостояния санкционному давлению [Ushkalova D.I. (2023). Foreign trade of Russia: Preliminary results of the second year of resistance to sanctions pressure] // *Вестник Института экономики РАН*. №6. С. 43–60.

¹³ Темпы роста экономики России стали отставать от среднемировых начиная с 2012 г., ещё до введения основного массива международных санкций. Автор почему-то игнорирует это обстоятельство. — *Прим. ред.*

- Ушкалова Д.И. (2022). Внешняя торговля России в условиях санкционного давления [Ushkalova D.I. (2022). Foreign trade of Russia under sanctions pressure] // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 3. С. 218–226.
- Arapova E. (2023). The sanctions dilemma: How sanctions against Russia affect regional integration within the EAEU States // *Strategic Analysis*. Vol. 47. No. 3. Pp. 289–294.
- Askin S. (1989). The business of sanctions busting // *Africa Report*. Vol. 34. No. 1. Pp. 18–20.
- Becker C.M. (1988). The impact of sanctions on South Africa and its periphery // *African Studies Review*. Vol. 31. No. 2. Pp. 61–88.
- Böhm-Bawerk E. (1914). Macht oder ökonomisches Gesetz? *Zeitschrift für Volkswirtschaft // Sozialpolitik und Verwaltung*. Vol. 23. Pp. 205–271.
- Chen Z., Knez P. J. (1995). Measurement of market integration and arbitrage // *Review of Financial Studies*. Vol. 8. No. 2. Pp. 287–325.
- Chupilkin M., Javorcik B., Plekhanov A. (2023). The Eurasian roundabout: Trade flows into Russia through the Caucasus and Central Asia // *EBRD Working Paper*. No. 276.
- Drezner D. W. (1999). *The sanctions paradox: Economic statecraft and international relations*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Drezner D. W. (2011). Sanctions sometimes smart: Targeted sanctions in theory and practice // *International Studies Review*. Vol. 13. No. 1. Pp. 96–108.
- Egorov K. (2023). Why did Russian economy not collapse under sanctions: pre-war evidence // *SAFE Policy Letter*. No. 102.
- Enderwick P. (2011). Understanding the rise of global protectionism // *Thunderbird International Business Review*. Vol. 53. No. 3. Pp. 325–336.
- Evenett S.J., Pisani N. (2023). Geopolitics, conflict, and decoupling: evidence of Western divestment from Russia during 2022 // *Journal of International Business Policy*. Vol. 6. No. 4. Pp. 511–540.
- Grossman G.M., Helpman E. (1994). Protection for sale // *American Economic Review*. Vol. 84. No. 4. Pp. 833–850.
- IMF (2023). *Geoeconomic fragmentation and the future of multilateralism*. IMF Staff Discussion Note SDN/2023/001.
- Itskhoki O., Mukhin D. (2022). Sanctions and the exchange rate // *National Bureau of Economic Research. Working Paper* No. 30009.
- Johnson S., Rachel L., Wolfram C. (2023). Design and implementation of the price cap on Russian oil exports // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 51. No. 4. Pp. 1244–1252.
- Knobel A., Firanchuk A. (2023). The preliminary results of Russia's foreign trade in 2023. Trade turnover with China // *Monitoring of Russia's Economic Outlook: Trends and Challenges of Socio-economic Development*. No.10. Pp. 7–11.
- Kolosov V., Zotova M. (2023). The 'Pivot to the East' and China in Russian discourse // *Geopolitics*. Vol. 28. No. 2. Pp. 879–903.
- Libman A. (2022). A New Economic Cold War? // *Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development*. Vol. 21. Pp. 148–159.
- Libman A. (2024). EAEU and economic sanctions // *Elgar Companion to the Eurasian Economic Union* / A. Libman, E. Vinokurov (eds.). — Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Levy P.I. (1999). Sanctions on South Africa: What did they do? // *American Economic Review*. Vol. 89. No. 2. Pp. 415–420.
- Mahlstein K., McDaniel C., Schropp S., Tsigas M. (2022). Estimating the economic effects of sanctions on Russia: an allied trade embargo // *World Economy*. Vol. 45. No. 11. Pp. 3344–3383.
- Meyer K.E., Fang T., Panibratov A.Y., Peng M.W., Gaur A. (2023). International business under sanctions // *Journal of World Business*. Vol. 58. No. 2. 101426.
- Mises L.V. (1922). *Die Gemeinwirtschaft. Untersuchungen über den Sozialismus*. — Jena: Verlag von Gustav Fischer.
- Noland M. (2009). The (non-) impact of UN sanctions on North Korea // *Asia Policy*. No. 7. Pp. 61–88.
- Park J.S. (2014). The key to the North Korean targeted sanctions puzzle // *Washington Quarterly*. Vol. 37. No. 3. Pp. 199–214.
- Revisiting Napoleon's continental system: local, regional and European experiences* (2015). K. Aaslestad, J. Joor (Eds.). — Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Rochlitz M. (2023). Im Abseits: Russlands Weg in die wirtschaftliche Stagnation // *Ifo Schnelldienst*. Vol. 76. No. 5. Pp. 9–12.
- Rogoff K. (2023). *Why the Russia sanctions are missing the mark*. <https://www.project-syndicate.org/commentary/why-western-sanctions-failed-to-devastate-the-russian-economy-by-kenneth-rogooff-2023-03?barrier=accesspaylog> (дата обращения 23.03.2024).
- Ruys T., Ryngaert C. (2020). Secondary sanctions: a weapon out of control? The international legality of, and European Responses to, US secondary sanctions // *British Yearbook of International Law*. Vol. 89. Pp. 1–116.
- Stiglitz J.E. (2018). Rethinking globalization in the Trump era: US-China relations // *Frontiers of Economics in China*. Vol. 13. No. 2. Pp. 133–146.
- Triggs A., Hardwick S. (2022). Friend-shoring fallacy: The false economy of supply chain resilience // *East Asia Forum Quarterly*. Vol. 14. No. 4. Pp. 13–15.

Либман Александр Михайлович
alexander.libman@fu-berlin.de

Alexander Libman

PhD (Economics), Professor of Russian and East European Politics, Freie Universität, Berlin
alexander.libman@fu-berlin.de

FOREIGN ECONOMIC CONDITIONS FOR RUSSIA'S DEVELOPMENT: ISOLATION AND REORIENTATION

Abstract. The paper considers the main factors of foreign economic relations dynamics of Russia in the last two years. Contrary to the original expectations, Western sanctions did not lead to the full isolation of the Russian economy. Rather, it experienced a reorientation towards countries, which do not support sanctions regime, as well as transition of a large part of foreign trade into an informal sector. The paper discusses main factors of the persistent integration of Russia in the world economy, as well as potential changes in the mid- and long-term perspectives.

Keywords: *foreign trade, foreign economic relations, sanctions, arbitrage.*

JEL: F02, F40, F51, F60.